

Кирилл Главатских

Сицилия без Бога

ТИРАНИЯ И ФОРТУНА В СОЧИНЕНИЯХ
ГУГО ФАЛЬКАНДА¹

Kirill Glavatskikh

Sicily without God: Tyranny and Fortune in the Writings of Hugo Falcandus

Кирилл Главатских

НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Лаборатории лингвосомиотических исследований glavkirv@gmail.com.

Ключевые слова: Сицилийское королевство, норманны, Фортуна, Гуго Фальканд, историописание, Иоанн Солеберийский

УДК: 94(450)

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_26

В статье рассматривается значение мотива Фортуны в сочинениях Гуго Фальканда, проливающих свет на ситуацию политической нестабильности в Сицилийском королевстве во второй половине XII века. В создаваемой автором картине упадка, однако, практически не отведено места идее божественного вмешательства, и главной силой, определяющей исход событий, становится Фортуна. Это обстоятельство рассматривалось как свидетельство классической образованности Гуго Фальканда. В настоящей статье предпринята попытка доказать, что «молчание о Боге» Гуго Фальканда является сознательной риторической стратегией, которая вполне вписывается в христианскую картину мира.

Kirill Glavatskikh

Higher School of Economics, Laboratory of Linguo-Semiotic Studies, Research assistant glavkirv@gmail.com.

Keywords: Sicilian kingdom, Normans, Fortune, Hugo Falcandus, historical writing, John of Salisbury

UDC: 94(450)

DOI:10.53953/08696365_2026_198_2_26

The article examines the meaning of the theme of Fortune in the works of Hugo Falcandus, which shed light on the political turbulence in the Kingdom of Sicily in the second half of the 12th century. However, God remains almost completely absent in his narrative on the kingdom's decline, while the Fortune becomes the main force determining the consequences of political events. This fact has been considered as evidence of Hugo Falcandus's classical education. The present paper attempts to prove that Hugo Falcandus's silent treatment of God is a conscious rhetorical strategy coherent with the Christian worldview.

Вильгельм I (1154–1166) унаследовал от Рожера II, основателя Сицилийского королевства, развитую административную структуру, подданных, говоривших на нескольких языках, и процветающую интеллектуальную жизнь. Политика консолидации власти в руках короля и его ближайших сподвижников стала основной причиной ряда восстаний, омрачивших его правление, несмотря на внешнеполитические успехи². Первые годы после восшествия на престол Вильгельма II (1166–1189) при регентстве его матери Маргариты Наваррской также были отмечены внутренними потрясениями. Сведения об этих событиях

-
- 1 В работе использованы результаты проекта «Язык, литература, культура в историческом и социальном измерении», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2026 году.
  - 2 *Pio B. Guglielmo I d'Altavilla. Gestione del potere e lotta politica nell'Italia normanna (1154–1169)*. Bologna: Pàtron Editore, 1996. P. 43–46.

известны нам во многом благодаря Гуго Фальканду, яркому представителю Ренессанса XII века. Несмотря на то, что его высоко оценил еще Хаскинс³, несмотря на то, что его «История» — один из самых красивых латинских текстов своего времени, эта фигура по-прежнему окутана тайной. А текст «Истории» многое может поведать о том, как сицилийская власть вела коммуникацию с обществом и как общество реагировало на действия власти.

В 1550 году издатель Жерве де Турне опубликовал два средневековых сочинения, приписав их некоему Гуго Фальканду. Сам Жерве основывался на ныне утерянной рукописи, которую ему передал в пользование епископ Суассона Матье де Лонгжу. Названия сочинений, равно как и имя автора, для исследователя не более чем условность. На страницах дошедших до нас рукописей они отсутствуют, и единственное указание на них содержится в *editio princeps* Жерве де Турне⁴. Среди исследователей попытка идентифицировать личность, скрывающуюся за именем Гуго Фальканда, успела стать правилом хорошего тона. Порой создается впечатление, что интерес к его персоналии нередко перекрывает интерес к содержанию его сочинений⁵. Важно при этом понимать, что отсутствие каких-либо внутри- и внетекстовых свидетельств об авторстве говорит о желании остаться анонимным⁶. Безусловно, это не умаляет эвристический потенциал устремлений раскрыть личность Гуго Фальканда, но все же кажется принципиально важным смотреть на автора через текст, а не на текст через персоналию, гипотетически подходящую на роль автора.

Из двух сочинений наибольший интерес приковывает к себе «История». Хронологически она охватывает период с 1154 по 1169 год, то есть правление Вильгельма I Злого и первые годы царствования Вильгельма II Доброго при регентстве его матери Маргариты Наваррской. При этом сведения за трехлетний период с 1163 по 1165 год отсутствуют полностью. «Историю» Гуго Фальканда Г.М. Кантарелла назвал «Поликратиком в форме исторического

-
- 3 Хаскинс Ч. Ренессанс XII века / Пер. с англ. под общей ред. К.В. Главатских, И.С. Мажаева. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2025. С. 205–206.
  - 4 Само издание Жерве озаглавлено как «Historia Hugonis Falcandi Siculi De rebus gestis in Siciliae regno iam primum typis excusa», а сочинения, соответственно, «De Tyrannide Siculorum» и «Praefatio ad Petrum Panormitanae Ecclesiae Thesaurarium de calamitate Siciliae». Для удобства я буду называть их просто «История» и «Письмо». Подробнее о рукописной традиции см.: *Siciliani M.A.* Prime indagini sulla tradizione manoscritta del Liber de regno Sicilie // *Segno e Testo*. 2016. Vol. 14. P. 269–361.
  - 5 *Jamison E.M.* Admiral Eugenius of Sicily: His Life and Work and the Authorship of the Epistola ad Petrum and the Historia Hugonis Falcandi Siculi. London: Oxford University Press, 1957. P. 177–219; *Hoffmann H.* Hugo Falcandus und Romuald von Salerno // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1967. Bd. 23. S. 140–143; *Hood G.E.* Falcandus and Fulcaudus, Epistola ad Petrum, Liber de Regno Sicilie. Literary Forms and Author's Identity // *Studi Medievali*. 1999. Vol. 40. P. 2–12; *Franke A.* Zur Identität des «Hugo Falcandus» // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 2008. Bd. 64. S. 1–13; *Köhn R.* Noch einmal zur Identität des «Hugo Falcandus» // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 2011. Bd. 67. S. 499–541; *Cantarella G.M.* Nel Regno del Sole. Falcando fra Inglesi e Normanni // *Scritti di storia medievale offerti a Maria Consiglia De Matteis / A cura di B. Pio*. Spoleto: Fondazione CISAM, 2011. S. 91–120; *D'Angelo E.* The Pseudo-Hugh Falcandus in His Own Texts // *Anglo-Norman Studies*. 2012. Vol. 35. P. 141–161; *Engl R.* «Hugo Falcandus» im Licht des Briefs an Petrus: neues zu einem vieldiskutierten politischen Literaten // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 2022. Bd. 78. S. 153–196.
  - 6 *Loud G.A.* Le problème du Pseudo-Hugo: qui a écrit l'Histoire de Hugues Falcand? // *Tabularia. Études*. 2015. Vol. 15. P. 41.

повествования»⁷: рефлексия о дурном и праведном правлении, о пороках и добродетелях занимает центральное место в его сочинении. Вместе с тем это не чистое теоретизирование, которого местами не чужд Иоанн Солсберийский, автор настоящего «Поликратика» и современник сицилийского историка, а взгляд «изнутри» королевского двора, где каждый участник придворных интриг или восстаний становится олицетворением правильной и неправильной модели поведения.

Второе сочинение — «Письмо Петру», очевидно, написанное после смерти Вильгельма II. В нем великолепие Сицилии представлено в условиях надвигающейся катастрофы, связанной со вторжением Генриха VI Гогенштауфена. Это сочинение, по словам С. Трамонтаны, представляет собой памфлет, призывающий жителей Сицилии воспрянуть духом перед лицом германского нашествия⁸. Скорее всего, «Письмо» было написано после событий, когда Сицилия уже перешла в руки Генриха VI, хотя на его страницах говорится о *будущих* несчастьях жителей острова в случае, если они не смогут дать отпор. Это сближает «Письмо» с жанром «плача» (*lamentatio*), в то время как длинное описание красот Палермо скорее напоминает «похвалу городу» (*laus civitatis*)⁹. Конечно, трудно представить его бытование в виде некоего манифеста, призванного мобилизовать «патриотически» настроенные умы Сицилийского королевства. Составленное по правилам искусства сочинения (*ars dictandi*)¹⁰, «Письмо» скорее представляет собой своего рода риторическое упражнение¹¹.

Подробное описание придворных политических игр и изящество стиля, впрочем, далеко не единственные черты сочинений Гуго Фальканда, которые привлекают внимание. Для средневекового человека, если мы говорим о латинском Западе, христианство задавало рамки интерпретации всех событий и явлений, с которыми ему приходилось сталкиваться. Оттого в истории средневековой словесности не так просто найти текст, который последовательно обходился вниманием образ Творца. Однако главная особенность обоих сочинений Гуго Фальканда состоит в том, что на протяжении всего повествования в них практически не упоминается Бог. Можно ли увидеть в этом своего рода «предтечи секуляризма»? И может ли умалчивание быть осознанным элементом политической риторики?

Лишь в двух фрагментах из «Истории» описано прямое божественное вмешательство, в то время как в «Письме» Фальканд в контексте надвигающейся трагедии бросает лишь короткую фразу о том, что «безумие германцев не страшится веры»¹². Вместо этого лейтмотивом становится образ Фортуны, которая определяет исход событий во времена политической нестабильности, накрыв-

-
- 7 Cantarella G.M. La voce dell'Apocalisse: Falcando e il regno di Sicilia // Dopo l'Apocalisse: rappresentare lo shock e progettare la rinascita (secc. X–XIV) / A cura di G. Cariboni, N. D'Acunto, E. Filippini. Milano: Vita e Pensiero, 2023. P. 28.
- 8 Tramontana S. Lettera a un tesoriere di Palermo. Palermo: Sellerio Editore, 1988. P. 17–26.
- 9 D'Angelo E. Op. cit. P. 146.
- 10 Bisanti A. L'Epistola ad Petrum dello pseudo-Falcando tra pubblicistica politica ed ars dictandi // Bollettino del Centro di Studi filologici e linguistici siciliani. 1990. Vol. 16. P. 227–236.
- 11 D'Angelo E. Op. cit. P. 146; Engl R. Op. cit. S. 170–173.
- 12 «Nec enim aut rationis ordine regi, aut miseratione deflecti, aut religione terreri Teutonica nouit insania, quam innatus furor exagitat, quam et rapacitas stimulat, et libido precipitat» (Pseudo Ugo Falcando. De rebus circa regni Siciliae curiam gestis. Epistola ad Petrum de desolatione Siciliae // A cura di E. D'Angelo. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 2014. P. 330).

шей Сицилийское королевство после нескольких десятилетий относительного спокойствия и процветания в первой половине столетия, особенно при Рожере II. Это обстоятельство исследователи склонны трактовать как свидетельство образованности Гуго Фальканда и начитанности латинскими классиками, обусловившей исключительно светский взгляд на сущность доброго и дурного правления¹³. Подобный подход, однако, представляется несколько упрощенным и не учитывающим внутренней логики обращения к теме Фортуны, а также стилистических особенностей текста. Я попытаюсь объяснить, как функционирует мотив Фортуны в «Истории» и «Письме» и почему в них нет места Богу.

Следует отметить, что мотив Фортуны у Гуго Фальканда напрямую связан с замыслом «Истории» и вплетен в ткань повествования. В «Письме» Фортуна упоминается лишь единожды, зато это свидетельство, пожалуй, остается одним из немногих косвенных указаний на единое авторство обоих сочинений.

В прологе к «Истории» Гуго Фальканд заявляет, что своим трудом он намеревается, во-первых, поведать правду о произошедших на Сицилии ужасах, во-вторых, показать тщетность стремления к мирским благам и, наконец, в-третьих, явить потомкам примеры тех немногих, кто отличился своей славой и добродетелью в условиях царящего хаоса. В свою очередь, ужас произошедших на Сицилии событий, равно как и стремление к переходящим благам, связываются с Фортуной:

Нигде больше Фортуна не поворачивает свое колесо столь же резко и не играет так жестоко со смертными. Мои слова подтвердит беспощадность этого края, о которой я собираюсь поведать, и ценность моего произведения будет заключаться в том, чтобы сохранить в памяти потомков перемены, которые были столь же ужасны, сколь и внезапны. Те же, кто измеряют свою славу богатством, будучи связаны нитями Фортуны, будут научены на чужом примере и перестанут хвалиться своим благополучием, дабы не сокрушаться о своих несчастьях всякий раз, когда они теряют почетную должность или лишаются несметных своих богатств¹⁴.

На протяжении всего текста «Истории» Фортуна выступает в роли высшей силы, которая определяет течение и исход событий. Если последовательно посмотреть на то, как действует Фортуна, то станет очевидно, что порядок упоминания в тексте властительницы случая соответствует обороту ее колеса: лишь в начале она показывает свою благосклонность, а затем, сменив милость на гнев, демонстрирует свое исключительное коварство.

13 *Capitani O.* Specific Motivations and Continuing Themes in the Norman Chronicles of Southern Italy in the Eleventh and Twelfth Centuries // *The Normans in Sicily and Southern Italy: Lincei Lectures 1974.* Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 21–24; *Loud G.A.* The Image of the Tyrant in the Work of «Hugo Falcandus» // *Nottingham medieval studies.* 2013. Vol. 57. P. 15–17; *Bellato G.* Fortune's Wheel and God's Whip: Religious Attitudes and Secular Power in Hugo Falcandus's *Liber de Regno Siciliae* // *The Medieval History Journal.* 2019. Vol 23. P. 151–157.

14 «Nec enim alibi rotam fortuna torquet celerius aut maiori mortalium ludit discrimine. Itaque loci ipsius inhumanitas eorum, quae dicturus sum, fidem faciet, eritque operae pretium tam atroces quam repentinas rerum alterationes memoriae tradere posterorum, ut, qui fortunae funibus alligati suam ex rerum affluentia gloriam metiuntur, aliorum casu moniti, beatos se desinant predicare, ne totiens miseros rursus se clamitent, quotiens aut a dignitatis gradu deciderint aut opum acerui quomodolibet fuerint imminuti» (Pseudo Ugo Falcando. P. 50). Здесь и далее перевод мой — *К.В.* На данный момент к публикации в издательстве «Наука» готовится перевод Р.Л. Шмаракова.

Если последовательно рассмотреть упоминания Фортуны у Гуго Фальканда, то можно заметить, что латинское слово *fortuna* и его производные используются в нескольких значениях. Порой *fortuna* обозначает объект воздействия — такие места, скорее, следует переводить словосочетаниями вроде «попытать счастья» или «испытать удачу». Кроме того, термин используется в значении «участь», а также «богатство/имущество». Дважды Гуго Фальканд употребляет выражение *fortuna regni* (судьба королевства), которое заслуживает отдельного обсуждения. Интерес вызывают те случаи, когда речь идет о персонафицированной Фортуне, которая своими *действиями* вершит судьбы людей и определяет исход событий (см. Приложение)¹⁵.

Из Приложения видно, что в самом начале Фортуна одновременно демонстрирует и свою благосклонность, и переменчивость. Она спасает адмирала Майона из Бари, наиболее ненавистного персонажа в глазах Фальканда, от рук заговорщиков, а затем помогает дворянину Маттео Бонеллу успешно осуществить покушение на все того же Майона. Переломным моментом становится эпизод гибели Майона (16.14–15). После этого Фортуна предстает в иной ипостаси — вероломной и карающей. Лишь обладание внутренней добродетелью позволяет избежать ее козней. Помимо канцлера Стефана дю Перша, назначенного Маргаритой Наваррской, в «Истории» таким персонажем оказывается Роберт из Сан-Джованни, каноник Палермо, в котором относительно недавно вновь попытались увидеть Гуго Фальканда¹⁶. Понимание того, что степень влияния Фортуны на подлунный мир ограничена моральными качествами тех, на чьи судьбы она способна оказать воздействие, вполне соответствует духу времени. Вслед за Боэцием считалось, что в руках Фортуны находятся исключительно вещи земные, не связанные в рамках христианской картины мира с истинным благом. Выйти из-под ее власти — значит обратиться к подлинному, вневременному благу, культивируя в своей душе добродетель¹⁷.

По мере развития событий в руках Фортуны оказываются не только судьбы отдельных людей, но и судьбы более крупных человеческих сообществ. Она истощает города, провинции и само Сицилийское королевство. «История» Гуго Фальканда завершается описанием разрушительного землетрясения 1169 года, в результате которого множество городов Сицилии оказались в руинах¹⁸. На страницах «Письма» Фальканд в своем воззвании к Катании вновь отсылает к этому событию, тем самым возлагая на Фортуну вину за все прошлые и будущие бедствия города и его жителей. Примечательно, что в «Истории» и «Пись-

15 Из-за своего объема были опущены два пространных фрагмента, в которых упоминается Фортуна. В первом рассказывается о нескольких заключенных, которые решили испытать Фортуну в надежде сбежать из тюрьмы, но в результате их поймали, приговорили к казни, а тела бросили собакам и не позволили их похоронить (29.9–29.15). Во втором повествуется о враче Салерне, который отравил графа Роберта Беллемского снадобьем, но по воле Фортуны его замысел был раскрыт, когда один из придворных капнул на кожу содержимое флакона, и она стала отслаиваться (40.5–40.14). Далее Фальканд поясняет, что это был один из заговоров, который развязала Фортуна (41.11). См. Pseudo Ugo Falcando. P. 188–190, 246–248, 252.

16 *Engl R.* Op. cit. S. 185–196.

17 *Боэций.* Утешение Философией / Пер. с лат., примеч. и вступ. ст. Р.Л. Шмаракова // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III. № 4. С. 150–169.

18 Pseudo Ugo Falcando. P. 320–322.

ме» описания разрушений, которым подверглась Катания, в общих чертах схожи, особенно в том, как показаны последствия обвала городских строений¹⁹.

Эпизод из «Истории», когда в 1162 году Вильгельм I, подавив очередное восстание в Апулии, выдвинулся в Салерно в надежде покарать оставшихся мятежников, переключается с видением грядущих бесчинств германцев на Сицилии, которым отведено довольно много внимания в «Письме». В ответ на несправедливую казнь одного из жителей, о чем еще будет сказано подробнее, в город пришла страшная буря, едва не погубившая короля и войско. Позже нотариус Маттео д'Айелло, оклеветавший невинного жителя Салерно, пожелал связать браком свою племянницу с женщиной, который противился этому союзу. Однако здание, в котором происходила церемония, рухнуло и, как сообщает Фальканд,

Это обстоятельство привело салернцев в смятение не меньше, чем если бы они стали свидетелями неминуемого разорения города, в который уже вторглись варвары. Женщины с распущенными волосами, разбегаясь в разные стороны, заполнили все улицы и площади своими криками, одни горожане оказывали помощь в извлечении тел из-под обломков, другие оплакивали городское бедствие или унимали горе друзей, а остальные поражались несчастной участи опустошенного города²⁰.

В «Письме» представлен похожий мотив опустошения города варварами и оплакивания горожанами своей незавидной участи:

Я уже вижу, как беспорядочные толпы варваров, вторгающиеся с присущей им яростью, ввергают в страх, опустошают кровопролитием, истощают грабежами и оскверняют распутством богатые города и веси, что долго процветали в мирные времена. Видение наступающего бедствия нависает надо мной и невольно бросает в слезы. С одной стороны, мне являются подданные, изрубленные мечами при сопротивлении или униженные мучительным рабством в попытке себя спасти, а с другой — вот девы, обесчещенные на глазах собственных родителей, вот оскорбленные матроны, лишённые драгоценностей, украшавших голову, шею и грудь, склонив голову, безутешно оплакивают досточтимые узы брака, запятнанные похотью гнусного народа²¹.

Описывая в «Письме» якобы грядущее вторжение германцев во главе с Генрихом VI, Гуго Фальканд для усиления эмоциональности своего «предсказа-

19 Cp. De rebus. 58.2 и Ep. 32–35.

20 «Ea res Salernitanorum animos non aliter conturbavit, quam si barbaris irruentibus captae iam urbis uiderent excidium imminere. Mulieres huc illuc sparsis crinibus discurrentes, uicos et plateas ululatu complebant; ciuium autem quidam extrahendis de ruina corporibus operam dabant; alii domestica lugebant incommoda uel amicorum mestitiam solabantur; nonnulli quoque miseram desolatae ciuitatis fortunam mirabantur attoniti» (Pseudo Ugo Falcando. P. 184).

21 «Intueri michi iam uideor turbulenta barbarorum acies, eo quo feruntur impetu irruentes, ciuitates opulentas et loca diuturna pace florentia metu concutere, cede uastare, rapinis atterere et fedare luxuria. Ingerit se michi et lacrimas a nolente futurae species calamitatis extorquet. Occurrunt hinc ciues aut resistendo gladiis intercepti, aut se dedendo misera seruitute depressi; illinc uirgines in ipsis parentum conspectibus constupratae; matronae post uaria et pretiosa capitis, colli ac pectoris ornamenta direpta, ludibrio habitae et, defixis in terra oculis, inconsolabiliter deplorantes uenerabile fedus coniugii fedissimae gentis libidine uiolari» (Ibid. P. 330).

ния» воспроизводит распространенный в латинской литературе тоpos «ярости германцев», *furor teutonicus*. Он заявляет, что благоденствие острова будет растоптано под яростным натиском варваров-германцев²². Своим сравнением последствий свадебного происшествия с варварским вторжением в «Истории» Гуго Фальканд предвосхищает разорение Салерно, совершенное Генрихом в отместку за пленение жителями города его жены Констанции после первой неудачной попытки вторжения²³. Другими словами, при написании фрагмента об инциденте в Салерно Гуго Фальканд, вероятно, уже знал о печальной судьбе, которая настигла город в связи с нашествием императора. Он был точно так же варварски разграблен, как и другие южно-итальянские города, о чем Гуго Фальканд рассказывает в первой части «Письма», облеченной в форму предсказания будущего несчастья. Вовсе не претендуя на то, чтобы поставить точку в вопросе о едином авторстве «Истории» и «Письма», мне все же представляется, что стилистическое и идейное единство обоих сочинений вполне отчетливо²⁴, и если автор «Письма» в действительности лишь стилистически подражал автору «Истории», то этот подражатель был слишком искусен²⁵.

Хотя тема Фортуны в заключении «Истории» не выражена напрямую, все же она читается между строк. Начав раскручивать свое колесо, Фортуна постепенно впутывала в свои интриги все больше людей, сея между ними раздор и ввергая королевство в хаос. Кульминацией ее происков становится катастрофических масштабов землетрясение, описание которого показывает, что колесо Фортуны наконец совершило полный оборот. Что хотел этим сказать анонимный автор? Едва ли здесь слышна попытка побудить читателя прервать этот порочный круг, несмотря на общий назидательный тон, взятый им в самом начале²⁶. Его взгляд на судьбу Сицилийского королевства пессимистичен и лишен надежд на счастливый исход, он полон разочарования и ощущения неизбежности катастрофы²⁷. В конце «Истории» говорится, что после изгнания канцлера Стефана дю Перша король Вильгельм II оказался под контролем очередного нечестивого царедворца — Вальтера Милля:

Вся власть над королевством и всеми его делами оказались в руках Вальтера, архиепископа Палермо, который связал себя с королем настолько тесной дружбой, бывшей до тех пор под сомнением, что казалось, будто он контролировал не столько королевский двор, сколько самого короля²⁸.

22 *Byrne P.* Translating German Emperors: A Staufien–Sicilian Synthesis under Henry VI? // *German Quarterly*. 2023. Vol. 96. P. 166–168.

23 *Foester T.* Imperial Tradition and Norman Heritage: Cultures of Violence and Cruelty // *Norman Tradition and Transcultural Heritage: Exchange of Cultures in the Norman Peripheries of medieval Europe* / Ed. by S. Burkhardt, T. Foerster. London: Routledge, 2013. P. 167–168.

24 *D'Angelo E.* Op. cit. P. 151–152; *Nef A.* La Lettre au trésorier de l'église de Palerme ou de l'art de choisir ses ennemis // *Entre traces mémorielles et marques corporelles. Regards sur l'ennemi de l'Antiquité à nos jours* / Ed. J.-C. Caron, L. Lamoine, N. Planas. Clermont-Ferrand: Collection Histoires croisées, 2014. P. 92–93.

25 *Engl R.* Op. cit. S. 175–177.

26 *Ibid.* S. 194.

27 *Cantarella G.M.* La voce dell'Apocalisse: Falcando e il regno di Sicilia. P. 38–40.

28 «Itaque summa regni potestas et negotiorum cognitio penes Galterium, archiepiscopum Panormitanum, erat; qui sibi regem eatenus suspecta satis familiaritate deuinxerat, ut non tam curiam quam regem ipsum regere uideretur» (Pseudo Ugo Falcando. P. 324).

Как Майон, который фактически правил королевством, пока Вильгельм I предавался покою, так теперь и Вальтер захватил власть, отстранив от дел малолетнего Вильгельма II. Проводя в конце своего сочинения эту параллель, Гуго Фальканд показывает, что Фортуна вновь принялась вращать свое колесо, а значит, череде конфликтов и распрей суждено повториться. Если движущей силой в картине мира Гуго Фальканда оказывается Фортуна, то какое место в ней уделено Богу?

В «Истории» Гуго Фальканда прямое божественное вмешательство в земные дела описано лишь в двух эпизодах. Первый из них относится к палермскому восстанию в 1161 году. Устав от тирании Вильгельма I, часть знати подняла мятеж с целью свержения неугодного государя, в ходе которого он был пленен, а его старший сын Рожер был убит шальной стрелой. Поскольку восставшие не смогли добиться широкой поддержки, им пришлось отпустить короля и искать с ним соглашения, по которому мятежникам позволили уйти целыми и невредимыми²⁹. Держа речь перед утихомирившейся толпой, Вильгельм уведомил собравшихся в том, что он усвоил урок:

Все произошедшее с ним он заслужил из-за множества совершенных им злодеяний, в чем он признается и с чем соглашается; и впредь он будет вести себя так, чтобы показать, что он покорной душой принял нанесенные ему удары божественной плети. Он запросто уступит все, что от него по закону потребуют подданные, а также полностью отбросит заведенные в его время обычаи, которые ограничивают справедливую свободу народа или отягощают его несправедливым бременем; в остальном же, по его словам, он предпочитает, чтобы его любили, а не боялись³⁰.

Второй эпизод касается уже упомянутой попытки Вильгельма I покарать сальернцев за неверность. Как уже было сказано, дело ограничилось повешением лишь нескольких смутьянов. В их числе, однако, оказался ложно обвиненный мужчина, которого оговорил приближенный к королю нотариус Маттео д'Айелло за оскорбление, якобы нанесенное его семье. Тут же, по словам Гуго Фальканда, разразился ураган, едва не лишивший жизни как самого Вильгельма, так и его приближенных:

Вскоре его невиновность была раскрыта благодаря неопровержимым доказательствам, и стало ясно, что была совершена несправедливость, которая оскорбила взор праведного Судии всего сущего. Хотя небо было настолько чистым, что на нем не виднелось и облака, вдруг разразилась такая буря с громом, молнией и проливным дождем, что вода бурным потоком накрыла весь лагерь, а порыв ветра снес шатры как самого короля, так и всех остальных, выдернув колья и оборвав

---

29 *Pio B. Op. cit. P. 76–81.*

30 «*Adiecit etiam id sibi, meritis suis exigentibus, ob multa mala, que fecerat, accidisse, et hoc se quidem cognoscere, hoc fateri; deincepsque sic acturum, ut inflictum sibi diuinitus correctionis flagellum nequaquam obstinato uideatur animo percepisse. Si quid ab subiectis sibi populis, quod iuste dari debeat, postuletur, non difficile concessurum, consuetudines etiam suis introductas temporibus, quae uel iustam populi libertatem minuere, uel eos iniquis pregrauare uideantur oneribus, placere sibi penitus antiquari; de cetero enim malle se diligi quam timeri*» (*Pseudo Ugo Falcando. P. 154.*)

веревки. И так велик был страх, который охватил короля и все его войско, что они было отчаялись спасти свои собственные жизни, не говоря уже об имуществе³¹.

В обоих эпизодах кара Божья настигает только короля и исключительно в ответ на сотворенную им *несправедливость*. Гуго Фальканд неспроста делает акцент именно на этой категории — его понимание праведного и дурного правления прежде всего основано на представлении о том, что деяния государя должны, во-первых, соотноситься с идеей общего блага, а во-вторых, не противоречить справедливости³².

Обвиняя Вильгельма I в тирании, Гуго Фальканд начинает с того, что после смерти Рожера II новоиспеченный король унаследовал его власть (*potestas*), но не добродетель (*virtus*). Вскоре он впал в такое безумие (*amentia*), что нарушил порядок формирования королевской курии, заведенный во время правления его благочестивого отца³³. Если в своем правлении Рожер II опирался на широкие слои знати, то Вильгельм I в попытке выстроить жесткую вертикаль власти наделил Майона из Бари, человека дурного нрава, настолько широкими полномочиями, что те, кто раньше имели влияние при дворе, теперь оказались не у дел³⁴. Хуже того, Майон фактически правил вместо ленивого короля и намеревался, по словам Гуго Фальканда, убить Вильгельма I, дабы занять его место³⁵. Иначе говоря, правление короля в интересах народа сменяется правлением в интересах частного лица, и в некотором смысле королевство из *res publica* превращается в *res privata*.

Методы, с помощью которых Вильгельм I расправлялся с мятежниками, также становятся объектом критики со стороны Гуго Фальканда. Он обвиняет короля в излишней жестокости³⁶, наиболее показательным примером которой является разрушение города Бари в наказание за восстание его жителей. В своем обращении к горожанам Вильгельм заявил, что его действия более чем обоснованы: «Приговор мой будет справедлив: поскольку вы отказались пощадить мой дом, то и я не стану щадить ваши; но я все же позволю вам сво-

31 «Cuius statim innocentia manifestis est indicii declarata, et euidenter apparuit aliquid fuisse contra iustitiam perpetratum, quod iusti rerum omnium iudicis oculos offendisset. Cum enim adeo serenus esset aer, ut nullum prorsus in eo nubis uestigium appareret, tanta repente tempestas exorta est, tonitrua, coruscationes et imbrium inundatio subsequuta, ut per totum exercitum instar rapidissimi torrentis aqua decurreret, et tam ipsius regis quam ceterorum omnium tentoria, paxillis auulsis ruptisque funibus, procella subuerteret. Tantusque regem et uniuersum exercitum terror inuasit, ut rerum omnium iactura posthabita, cogerentur de salute propria desperare» (Ibid. P. 184).

32 Becker J. Strenuitas et rex consultus — Herrscherattribute und Darstellung von Herrschaft bei Gaufridus Malaterra und «Hugo Falcandus» // Macht und Spiegel der Macht. Herrschaft in Europa im 12. und 13. Jahrhundert vor dem Hintergrund der Chronistik / Hg. von Kersken N., Vercamer G. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. P. 231.

33 Pseudo Ugo Falcando. P. 58.

34 Pio B. Op. cit. P. 31–32, 37–40; Görlich K. Tyranei und Barmherzigkeit. Überlegungen zur Konfliktwahrnehmung des Hugo Falcandus // Ad personam: Festschrift zu Hanna Vollraths 80. Geburtstag / Hg. von J. Dirk, L. Gerhard. Berlin: Peter Lang Verlag, 2019. S. 181–182; Djelida A. L'ordre et la diversité. La construction de l'institution royale en Italie normande au XIIe siècle. Paris: L'Harmattan, 2020. P. 340–350.

35 Pseudo Ugo Falcando. P. 94–96; Loud G.A. The Image of the Tyrant in the Work of «Hugo Falcandus». P. 7–11. Эти обвинения, впрочем, остаются бездоказательными и обьясняются тенденциозностью автора (см.: Pio B. Op. cit. P. 69).

36 Loud G.A. The Image of the Tyrant in the Work of «Hugo Falcandus». P. 12–13.

бодно уйти вместе со своим имуществом»³⁷. Не без иронии Фальканд показывает убежденность короля в собственной справедливости, тогда как в действительности он выдавал за нее свою безжалостность. Порой Вильгельм и вовсе не пытался скрыть свое беззаконие, например, когда он повелел ослепить и бросить в тюрьму калабрийского дворянина Рожера Марторанского, даже не выдвинув против него обвинения³⁸. Хотя, как сообщает Гуго Фальканд, повадки Рожера II злые языки тоже называли тираническими, его беспощадность к бунтовщикам отражала идеал строгости правосудия, *rigorem iustitiae*³⁹. Принципиальная разница между правлением Вильгельма I и Рожера II состоит в том, что последний в своей непримиримой политике по отношению к бунтовщикам руководствовался необходимостью (*necessitas*) и этим поддерживал мир и спокойствие (*pax et tranquillitas*)⁴⁰.

Кажется, между представлениями о королевской власти Гуго Фальканда и Иоанна Солсберийского куда больше общего, чем предполагал Г. Лауд⁴¹. В «Поликратике» Иоанн пишет о государе как об образе справедливости — он одновременно не связан законами, поскольку сама идея правосудия воплощена в нем, но и ограничен ими, потому что главная функция правителя сводится к претворению правосудия в жизнь⁴². В определении самого понятия «справедливость» Иоанн Солсберийский следует за Цицероном, говоря, что «справедливость главным образом заключается в том, чтобы не причинять вред и из чувства долга перед человечеством препятствовать вредителям»⁴³. Идеи справедливости и общего блага, таким образом, оказываются тесно связаны, поскольку справедливость предполагает сохранение гармонии между членами политического тела и предотвращение любых действий, направленных на их разлад. Другими словами, сущность справедливости состоит в обес-

37 «Iusto, inquit, uobiscum agam iudicio, et quia domui meae parcere nolulistis, certe nec ego uestris abire permittam» (Pseudo Ugo Falcando. P. 82).

38 Ibid. P. 174; Pio B. Op. cit. P. 61–62.

39 Pseudo Ugo Falcando. P. 56. См. также Wieruszowski H. Roger II of Sicily, Rex-Tyrannus, In Twelfth-Century Political Thought // Speculum. 1963. Vol. 38. P. 46–78. Понятие *rigor iustitiae* изначально использовалось в контексте обязанности священника насаждать церковную дисциплину. Со второй половины XI века оно стало применяться также в отношении светских правителей, обозначая необходимость сурового наказания тех, кто посягнул на государеву власть (см.: Beyer H. Das Herrscherideal des rigor iustitiae und die Kirchenreform im Italien des 11. Jahrhunderts // Frühmittelalterliche Studien. 2012. Bd. 46. S. 191–219; Görlich K. Op. cit. 177–181). Касательно этого вопроса Иво Шартрский писал о «милосердии и правосудии» как о двух моделях поведения, которым в зависимости от обстоятельств должен следовать судья. По его мнению, однако, выбор в пользу милосердия был предпочтительнее, о чем, в частности, он пишет в письме французскому королю Людовику VI (см.: Rolker C. Canon Law and the Letters of Ivo of Chartres. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 165–171).

40 Capitani O. Cit. op. P. 15–18.

41 Loud G.A. The Image of the Tyrant in the Work of «Hugo Falcandus». P. 15–17.

42 «Quid lex; et quod princeps, licet sit legis nexibus absolutus, legis tarnen servus est et aequitatis, geritque personam publicam, et innocenter sanguinem fundit» (Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum: In 2 vols. / Ed. by C.C.J. Webb. Vol. 1. Oxford: Oxonii E Typographeo Clarendoniano, 1909. P. 237). См. также Канторович Э.Х. К Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. 2-е, испр. / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегинной. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 171–175.

43 «In eo autem maxime iustitia constat, si non noceas, et ex officio humanitatis prohibeas nocentes» (Ibid. P. 277).

печении общего блага всех политических субъектов⁴⁴. Король же занимает главную роль в поддержании порядка и осуществлении правосудия.

Учитывая, что понятия общего блага и справедливости занимают у Гуго Фальканда не менее значимое место, чем у Иоанна Солсберийского, вышеупомянутые эпизоды, в которых Вильгельм I принимает небесную кару, можно попытаться рассмотреть через ту же оптику. Справедливость воспринимается как первостепенный божественный дар, а значит, посягательство на нее становится посягательством на самого Бога⁴⁵. Тот же Иоанн задается вопросом: «Что так стремительно низвергает и уничтожает могущественные царства? Несомненно, возмущение Бога вызывает частое свершение несправедливости в отношении Него»⁴⁶. Хотя Сицилия в глазах Фальканда и без того утопала пороках, лишь несправедливые деяния сицилийского короля вызвали прямое божественное вмешательство. Нарушив идеал справедливости, который представляет собой высшее благо, исходящее от самого Творца, Вильгельм не просто совершил нечестивый поступок, но посягнул на установленный Богом порядок.

При этом Гуго Фальканд ничего не говорит относительно сущности государя как частного и общественного лица. Его наблюдение о том, что «судьба и состояние королевств зависит от добродетели их правителей»⁴⁷, предполагает куда более тесную связь между волей государя и благополучием политического сообщества, чем у Солсберийца. В органологической модели Иоанна защита общего блага — обязанность всех членов политического тела. Поэтому та его часть, которая стала по какой-либо причине отрицать свою основную функцию, должна быть «отсечена», даже если речь идет о государе, впадшем в тиранию⁴⁸. Для Фальканда же личность государя и состояние всего политического тела, если этот термин вообще применим ко взглядам Гуго, становятся тождественными. Именно поэтому с приходом к власти Вильгельма I смута разразилась во всем королевстве.

Но если в «Истории» отражено христианское по своей сути понимание королевской власти, то чем можно объяснить столь редкое упоминание Бога? Почему Он — не вмешивается? Не наказывает? Не укрепляет в беде? Не награждает? Возможно, молчание о Боге Гуго Фальканда следует рассматривать как особый риторический прием, связанный с замыслом самого сочинения. Критикуя правление Вильгельма I и первые годы регентства Маргариты Наваррской, он связывает макро- и микрокосм, показывая, что Бог настолько же отсутствует в земных делах, насколько предающийся лени Вильгельм I или малолетний Вильгельм II практически не участвуют в делах королевства. В отсутствие добродетельного государя королевский двор наводнили нечестивые

44 *Nederman C.J.* John of Salisbury's Political Theory // A companion to John of Salisbury / Ed. by C. Grelard, F. Lachaud. Leiden: Brill, 2015. P. 276–278.

45 *Ibid.* P. 281.

46 «Quid, obsecro, tam potentia regna, tam cito subvertit et transtulit? Certe indignatio Dei, quam in se multiplex iniustitia provocabat» (*Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum.* P. 277).

47 «Verum, breui temporis interiecto spatio, sic tranquillitas omnis elapsa repente disparuit, ut facile quidem ex hoc intelligas regnorum fortunam ac statum uirtuti parere regnantium, tantumque regni cuiuslibet gloriam ampliari posse non dubites, quantum in principe uirtutis esse cognoueris» (*Pseudo Ugo Falcando.* P. 58).

48 *Nederman C.J.* *Op. cit.* P. 278–288.

царедворцы, ищущие личной выгоды, богатств и почетных должностей, — словом, тех мирских благ, над которыми властвует Фортуна. Поскольку стремление к ложным благам окутало королевство, а король не в состоянии навести порядок, Бог остается в стороне, пока Фортуна сеет раздоры между людьми. Лишь откровенное посягательство на божественную волю — совершение королем несправедливости — вызывает гнев Господа. Однако за этим пессимизмом на самом деле скрывается убежденность в том, что Фортуна лишь инструмент воплощения божественного замысла, а земной беспорядок — часть божественного порядка.

Библиография / References

- Канторович Э.Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. 2-е, испр. / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серegiной. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- (Kantorovich E.H.* The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology. Moscow, 2015 — In Russ.)
- Хаскинс Ч.* Ренессанс XII века / Пер. с англ. под общей ред. К.В. Главатских, И.С. Мажева. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2025.
- (Haskins Ch.H.* The Renaissance of the Twelfth Century. Moscow, 2025 — In Russ.)
- Becker J.* Strenuitas et rex consultus — Herrscherattribute und Darstellung von Herrschaft bei Gaufridus Malaterra und «Hugo Falcandus» // Macht und Spiegel der Macht. Herrschaft in Europa im 12. und 13. Jahrhundert vor dem Hintergrund der Chronistik / Hg. von Kersken N., Vercamer G. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. 219–234.
- Bellato G.* Fortune's Wheel and God's Whip: Religious Attitudes and Secular Power in Hugo Falcandus's Liber de Regno Siciliae // The Medieval History Journal. 2019. Vol 23. P. 144–167.
- Beyer H.* Das Herrscherideal des rigor iustitiae und die Kirchenreform im Italien des 11. Jahrhunderts // Frühmittelalterliche Studien. 2012. Bd. 46. S. 191–219.
- Bisanti A.* L'Epistola ad Petrum dello pseudo-Falcando tra pubblicistica politica ed ars dicendi // Bollettino del Centro di Studi filologici e linguistici siciliani. 1990. Vol. 16. P. 227–236.
- Byrne P.* Translating German Emperors: A Staufen-Sicilian Synthesis under Henry VI? // German Quarterly. 2023. Vol. 96. P. 163–179.
- Cantarella G.M.* Nel Regno del Sole. Falcando fra Inglesi e Normanni // Scritti di storia medievale offerti a Maria Consiglia De Matteis / A cura di B. Pio. Spoleto: Fondazione CISAM, 2011 S. 91–120.
- Cantarella G.M.* La voce dell'Apocalisse: Falcando e il regno di Sicilia // Dopo l'Apocalisse: rappresentare lo shock e progettare la rinascita (secc. X–XIV) / A cura di G. Cariboni, N. D'Acunto, E. Filippini. Milano: Vita e Pensiero, 2023. P. 19–40.
- Capitani O.* Specific Motivations and Continuing Themes in the Norman Chronicles of Southern Italy in the Eleventh and Twelfth Centuries // The Normans in Sicily and Southern Italy: Lincei Lectures 1974. Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 1–46.
- D'Angelo E.* The Pseudo-Hugh Falcandus in His Own Texts // Anglo-Norman Studies. 2012. Vol. 35. P. 141–161.
- Djelida A.* L'ordre et la diversité. La construction de l'institution royale en Italie normande au XIIe siècle. Paris: L'Harmattan, 2020.
- Engl R.* «Hugo Falcandus» im Licht des Briefs an Petrus: neues zu einem vieldiskutierten politischen Literaten // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 2022. Bd. 78. S. 153–196.
- Foester T.* Imperial Tradition and Norman Heritage: Cultures of Violence and Cruelty // Norman Tradition and Transcultural Heritage: Exchange of Cultures in the Norman Peripheries of medieval Europe / Ed. by S. Burkhardt, T. Foester. London: Routledge, 2013. P. 161–188.
- Franke A.* Zur Identität des «Hugo Falcandus» // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 2008. Bd. 64. S. 1–13.
- Görich K.* Tyrannei und Barmherzigkeit. Überlegungen zur Konfliktwahrnehmung des Hugo Fal-

- candus // *Ad personam: Festschrift zu Hanna Vollraths 80. Geburtstag* / Hg. von J. Dirk, L. Gerhard. Berlin: Peter Lang Verlag, 2019. S. 173–192.
- Hoffmann H. Hugo Falcandus und Romuald von Salerno // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1967. Bd. 23. S. 116–170.
- Hood G.E. Falcandus and Fulcaudus, *Epistola ad Petrum, Liber de Regno Sicilie: Literary Forms and Author's Identity* // *Studi Medievali*. 1999. Vol. 40. P. 1–41.
- Jamison E.M. *Admiral Eugenius of Sicily: His Life and Work and the Authorship of the Epistola ad Petrum and the Historia Hugonis Falcandi Siculi*. London: Oxford University Press, 1957.
- Köhn R. Noch einmal zur Identität des «Hugo Falcandus» // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 2011. Bd. 67. S. 499–541.
- Loud G.A. *The Image of the Tyrant in the Work of «Hugo Falcandus»* // *Nottingham medieval studies*. 2013. Vol. 57. P. 1–20.
- Loud G.A. *Le problème du Pseudo-Hugo: qui a écrit l'Histoire de Hugues Falcand?* // *Tabularia. Études*. 2015. Vol. 15. P. 39–55.
- Nederman C.J. *John of Salisbury's Political Theory* // *A companion to John of Salisbury* / Ed. by C. Grellard, F. Lachaud. Leiden: Brill, 2015. P. 258–288.
- Pio B. *Guglielmo I d'Altavilla. Gestione del potere e lotta politica nell'Italia normanna (1154–1169)*. Bologna: Pàtron Editore, 1996.
- Rolker C. *Canon Law and the Letters of Ivo of Chartres*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Siciliani M.A. *Prime indagini sulla tradizione manoscritta del Liber de regno Sicilie* // *Segno e Testo*. 2016. Vol. 14. P. 269–361.
- Tramontana S. *Lettera a un tesoriere di Palermo*. Palermo: Sellerio Editore, 1988.
- Policraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum: In 2 vols. / Ed. by C.C.J. Webb. Vol. 1. Oxford: Oxonii E Typographeo Clarendoniano, 1909.
- Wieruszowski H. *Roger II of Sicily, Rex-Tyrannus, In Twelfth-Century Political Thought* // *Speculum*. 1963. Vol. 38. P. 46–78.

Приложение

7.28–29. И вот в назначенный день все случилось бы так, как он [Гоффредо из Монтекальозо] задумывал, если бы внезапно при дворе не объявили о прибытии галер из Апулии, когда убийцы уже проникли во дворец. Это тут же отпугнуло рыцарей от их начинания, и Майон спасся по милости Фортуны⁴⁹.

14.26. Безопасность самого короля, благополучие и свобода королевства находятся в твоих руках: ибо, осудив всех остальных за неспособность решиться на столь славный подвиг, благосклонность Фортуны приберегла для тебя наивысшую честь⁵⁰.

14.30. Ну же, юноша; отличись, дабы достичь этой степени счастья, без страха следуй зову добродетели и не отвергай покорности, которую требует Фортуна⁵¹.

15.16. Теперь можно было понять, что и в остальных делах Фортуна отвернулась от адмирала, устав от его успехов⁵².

49 «Quod quadam die, non secus ac prouiderat, accidisset, nisi quod, iam in palatium percussoribus introfactis, subito nuntiatum est in curia de partibus Apuliae galeas aduenisse. Ea re tunc ab incepto milites absterrente, Maio fortunae beneficio liberatus euasit» (Pseudo Ugo Falcando. P. 76).

50 «Regis quidem ipsius incolumitas regnique salus ac libertas in manibus tuis est: tam, ceteris omnibus huius tam preclari facinoris impotentia condempnatis, tante laudis cumulum fortunae tibi benignitas reseruauit» (Ibid. P. 106).

51 «Age ergo, iuuenis; enitere, ut gradum hunc felicitatis attingas, quo te virtus vocat sequaris intrepidus, nec poscenti fortunae tuum deneges obsequium» (Ibid. P. 108).

52 «Nec minus alibi quoque fortunam, tantis admirati fatigatam successibus, iam ab eius obsequio descivisse perciperes» (Ibid. P. 112).

16.14–15. Тем временем Маттео Бонелл лихорадочно искал подходящий момент для совершения своего злодеяния. И Фортуна не обошла стороной его приготовления: словно сожалела о том, что она возвысила простолюдина, ужасающего столькими бесчинствами, теперь она грозилась его сбросить, и, медленно опуская верхнюю часть своего вращающегося колеса, она начала поворачивать колесо вниз, начиная его раскручивать⁵³.

24.17–18. Воспряв духом, король решил выступить, воспользовавшись передышкой Фортуны, и выразить в словах королевское достоинство, отбросив смирение своих посланников, потому как для него не было ничего проще, чем перейти от смирения к гордыне. Поэтому он отправил обратно к Маттео Бонеллу посланника Роберта из Сан-Джованни, каноника Палермо, человека славного имени и безупречной верности, которого никакой союз заговорщиков, никакая буря гонений, так часто сотрясавших все королевство, не могли отвернуть от долга хранить верность. Никогда лъстивая Фортуна не возносила его настолько, чтобы гордыня или тирания смешивалась в нем с его врожденной добротой. Никогда она не опускала его до того, чтобы он захотел поменять свою верность на почетную должность или благосклонность сильных мира сего⁵⁴.

25.22. ...внезапно передумав, что типично для сицилийцев, они вместе с отворачивающей свой лик Фортуной предпочли служить случаю, а не верно-сти. С тем же усердием, с каким они прежде добивались благосклонности Маттео Бонелла, теперь они пытались откеститься от дружбы с ним⁵⁵.

26.17. Пока Фортуна истощала Сицилию бесконечными распрями, Роберт, граф Лорителло, занял большую часть королевства и добрался до Оргеоло, места на границе Апулии и Калабрии⁵⁶.

27.1. Пока это происходило в Италии, в это время Фортуна в Палермо свирепствовала, порождая новое зло, и отъезд короля с Сицилии стал испытанием для многих⁵⁷.

---

53 «Interim ergo Matheus Bonellus perpetrando facinori tempus ydoneum sollicitate perquirebat. Sed et huic eius sollicitudini fortuna non defuit, que quasi penitentia ducta, quod virum ignobilem, tantis horrendum flagitiis, in summo fere rerum culmine collocasset, iam ei precipitium minabatur et uolubilis circuli supereminentiam sensim detrudens, ad infima, circumductis anfractibus, rotam ceperat obliquare» (Ibid. P. 116–118).

54 «Statuit ergo, resumpto spiritu, cum fortuna respirante progredi, et humilitate legationis abiecta, regiam in uerbis pretendere dignitatem, cum nichil illi facilius esset quam ab humilitate ad superbiam transuolare. Rursus itaque ad Matheum Bonellum legatum misit Robertum de Sancto Iohanne, Panormitanum canonicum, preclari nominis et examinate fidei uirum, quem nulla coniuratorum unquam societas, nulla persecutionis procella, cum totum sepe regnum concuteret, ab eo, cui semper inheserat, proposito fidelitatis auulsit; nunquam eum blanda fortuna sic extulit, ut innatae benignitati superbiae quicquam aut tyrannidis admisceret; nunquam sic aduersa deiecit, ut fidem suam uellet potentium uirorum gratia uel cuiuslibet dignitatis pretio nundinari» (Ibid. P. 158–160).

55 «...subitoque cum fortuna uultum auertente conuersi, quod cognatum est Siculis, maluerunt tempori seruire quam fidei, quantaque prius diligentia Mathei Bonelli gratiam appetebant, tanto nunc elaborabant studio, ne uiderentur illius amicitiam coulisse» (Ibid. P. 158–160).

56 «Robertus enim comes Lorotelli, dum Siciliam fortuna crebris tumultibus fatigaret, maximam regni partem inuadens, Orgeolum usque peruenerat, quod in Apulie Calabrieque confinio situm est» (Ibid. P. 172).

57 «Dum haec in Italia gererentur, interim fortuna Panormi nouo malignandi genere seuiebat, regisque discessum e Sicilia multorum est periclitatio consecuta» (Ibid. P. 178).

29.8. В то время, когда его враги были побеждены и мир был полностью восстановлен, и король думал, что ему больше нечего бояться, внезапный случай научил его: Фортуна часто насмехается над смертными, чтобы те, кто меньше всех остерегаются, быстрее встретили потери и погибель⁵⁸.

41.11. В то время как на Сицилии Фортуна плела эту вереницу заговоров, в Апулии она впутала большой союз в очередную интригу⁵⁹.

Ер. 32–35. Горе тебе, Катания, которая, столько раз испытав на себе превратность Фортуны, не сумела ослабить и унять ее жесткость ни одним из пережитых бедствий! Ведь если мы вновь откроем ветхие страницы анналов, то обнаружим, что тебя часто отравлял губительный дым, разоряло беспощадное бедствие войн, а реки пламени не раз низвергались на тебя со скалистых кратеров Этны. Если мы решим вспомнить зловключения наших дней, свидетельства которых нам самим довелось стать, то недавно чудовищное землетрясение поразило тебя с такой силой, что при обрушении всех зданий масса камня и дерева раздавила бесчисленное множество людей. Теперь же, чтобы умиловать своенравие Фортуны, тебя, после стольких несчастий, предадут самому позорному рабству⁶⁰.

---

58 «Eo tempore, post subactos hostes et pacem integre restitutam, cum rex nichil ultra sibi credere formidandum, repentinus eum casus edocuit ita fortunam plerumque mortales eludere, ut, ubi minus quis precauerit, citius dampnum aut periculum incurrat» (Ibid. P. 188).

59 «Cum hanc in Siciliae partibus fortuna conspirationis seriem ordiretur, aliam interim in Apulia multorum roboratam confederatione texuerat» (Ibid. P. 252).

60 «Vae tibi, Cathaniensium ciuitas, quae aduersantem toties experta fortunam nullis unquam cladibus eius seuitiam mitigare aut compescere potuisti! Nam, si ueteres annalium reuoluimus hystorias, inueniemus te frequenter et pestilentibus exhaustam nebulis, et atroci bellorum clade de consumptam ignemque in te aliquotiens de cauernosis Ethnae fornacibus in modum fluminis emanasse. Quod, si nostri temporis mala et quae ipsi uidimus, uolumus recensere, nuper te uehemens terrae motus tanta concussit uiolentia, ut, cunctis ruentibus edificiiis, haud facile numerabilem utriusque sexus multitudinem lignorum ac lapidum moles oppresserit. Nunc autem, ut uel sic fortunae lentescat improbitas, post multa et uaria calamitatum genera turpissimae tandem addi ceris seruituti» (Ibid. P. 336).